Частно-правовые науки / Private Law Sciences

Научная статья
Original article
DOI: 10.12731/2576-9634-2026-10-3-285
EDN: RNBPUR
УДК 32.019.5

Постулирование политической идентичности в качестве механизма укрепления социальной справедливости

Е.С. Алехина
Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Данная статья посвящена вопросам политической и социальной идентичности, связанной с политической практикой государства и его идеологией в противовес другим групповым идентичностям. Не смотря на фундаментальную значимость отождествления индивида с определенной группой, в условиях глобализации и международной борьбы за власть нерешенным остается вопрос о том, приводят ли подобные установки к укреплению социальной справедливости или дезорганизовывают ее. В этой связи предметом исследования является методология реализация принципов политической идентичности в качестве аксиологических основ укрепления социальной справедливости.

Цель. Целью исследования является изучение стратегий достижения политической идентичности, позволяющих систематизировать социальные явления и организационные механизмы, которые способны реализовать общественно значимый потенциал для достижения социальной, правовой и управленческой объективности.

Методология проведения работы. Методологическая база исследования включает в себя аналитические и организационные подходы, психологический и социально-конструкционистский подходы к описанию понятия идентичности, принцип политического конструирования социальных идентичностей, а также компаративистский метод измерения содержательных принципов выстраивания политической идентичности.

Результаты. Проблемы отождествления политической идентичности с идеологией доминирования власти могут быть разрешены посредством утверждения парадоксальной природы идентичности в качестве фундамента национальной

индивидуализации, что делает социальную жизнь группы осмысленной, структурированной и аутентичной. Равновесие и социальная справедливость в таком обществе достигается поддержанием прав и свобод граждан, сохранением культурных ценностей и традиций, а также воспитанием общенационального стремления к эффективной социальной, политической и экономической деятельности.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социально-политического проектирования практических программ и инициатив социально-политической идентичности.

Ключевые слова: политическая идентичность; социальная справедливость; групповая консолидация; социокультурные ценности; этническая идентичность; глобализация; зашита прав меньшинств; политическая идеология

Для цитирования. Алехина, Е. С. (2026). Постулирование политической идентичности в качестве механизма укрепления социальной справедливости. *Russian Studies in Law and Politics / Российские исследования. Право и политика*, *10*(3), 79-99. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-285

Postulating political identity as a mechanism to promote social justice

E.S. Alekhina
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

Background. This article is devoted to issues of political and social identity related to the political practice of the state and its ideology opposed to other group identities. Despite the fundamental importance of the identification of an individual with a certain group, in the context of globalization and the international struggle for power one question remains unresolved whether such attitudes lead to the strengthening of social justice or disorganize it. In this regard the subject of the research is the methodology for implementing the principles of political identity as axiological foundations for strengthening social justice.

Purpose. The purpose of the research is to analyze strategies for achieving political identity, which make it possible to systematize social phenomena and organizational mechanisms that are able to put into practice socially significant potential for achieving social, legal and managerial objectivity.

Methodology. The methodological base of the study includes analytical and organizational approaches, psychological and socio-constructionist approaches to describing the concept of identity, the principle of political construction of social identities, as well as a comparative method for measuring meaningful principles of building political identity.

Results. The problems of associating political identity with power dominance ideology can be resolved through asserting the paradoxical nature of identity as the foundation of national individualization making the social life of the group meaningful, structured, and authentic. Balance and social justice in such society can be achieved by maintaining the rights and freedoms of citizens, preserving cultural values and traditions, as well as fostering a nationwide desire for effective social, political and economic activities.

Practical implications. The results of the study can be applied in the sphere of socio-political design of practical programs and initiatives of socio-political identity.

Keywords: political identity; social justice; group consolidation; sociocultural values; ethnic identity; globalization; protection of minority rights; political ideology

For citation. Alekhina, E. S. (2026). Postulating political identity as a mechanism to promote social justice. *Russian Studies in Law and Politics*, *10*(3), 79-99. https://doi.org/10.12731/2576-9634-2026-10-3-285

Введение

Вопросы политической идентичности нередко связывают с процессом социализации (символический интеракционизм (Blumer) [14], социальное конструирование реальности (Berger, Luckmann) [13], структурный функционализм (Parsons) [22]) в качестве групповой консолидации индивидов и сообществ, стремящихся к эгалитаризму.

Первоначально зародившаяся на Западе политика идентичности поддерживала идеи систематизации социально-политических реформ, направленных на содействие незащищенным социальным группам и меньшинствам [5, с. 7]. Среди актуальных задач политической идентичности, отмечаемых в *обзоре литературы*, сохранились тенденции к формированию устойчивых моделей человеческого поведения, форм коллективного взаимодействия, которые позволяют интегрировать личность в общество [4, с. 186] в качестве равноправного члена государства и нации.

На сегодня концепцию политической идентичности связывают с «широким спектром феноменов, обозначающих субъективно переживаемую принадлежность людей к каким-либо политическим сообществам» [7, с. 82]. Самоотождествление индивида с социальной группой является главным фактором развития идентичности, при которой в государственных масштабах формируются устойчивые территориальные, социокультурные, ценностные, регулятивно-нормативные,

когнитивные и иные отличительные характеристики, определяющие коллективное «образно-символическое пространство» [7, с. 82].

Тем не менее, объективная реальность распространения форм политической идентичности акцентуализирует вариативность содержания данного концепта и проливает свет на множество противоречий в области социального неравенства, борьбы за власть и групповой автономии [17, с. 5-6], что определяет *актуальность* данной работы.

Научная новизна исследования заключается в качественном измерении содержательных принципов выстраивания политической идентичности, формирующей восприятие социальной справедливости в современном российском обществе.

Одним из наиболее значимых вопросов в данном контексте является стимулирование социальной справедливости, достижение которой либо ускоряется, либо отдаляется в рамках обеспечения политической идентичности государства. В связи, с чем *цель* исследования заключается в изучении стратегий достижения политической идентичности, что позволит систематизировать социальные явления и организационные механизмы, которые способны реализовать общественно значимый потенциал для достижения социальной, правовой и управленческой объективности.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи: изучить междисциплинарную природу понятия идентичности; проанализировать феномен политической идентичности с разграничением понятий социальной и политической идентификации, политики идентичности, политического доминирования; рассмотреть концепцию социальной справедливости; систематизировать подходы и механизмы реализации политической идентичности в качестве объективного внутригосударственного стрежня аксиологических устоев общества.

Парадоксальная природа политической идентичности: когерентность социального, культурного и политического

Установление четких разграничений между социальным и политическим в концепте идентичности в современную эпоху не всегда

считается состоятельным по причине естественности переплетения социокультурных процессов конструирования и закрепления возможности политического переосмысления идентичности [15, с. 2-3].

В результате социальных преобразований меняется динамика общественных отношений, что оказывает значительное влияние на политический курс нации. Так было в процессе отстаивания прав женщин в патриархальных представлениях о социальном неравенстве, результатом чего стала элиминация гендерных различий в части прав и свобод человека, выход женщин на политическую арену сначала в западных демократия, а позже и во всем мире. Преодоление социальных и культурных барьеров (кризис идентичности) [9, с. 95], ограничивающих феминистические начала, способствовали демократизации политики разных государств, выстраиванию регулятивных механизмов, ориентированных на безопасность и справедливость в равноправном обществе. Отсюда следует, что появление различных социальных движений может привести к существенным изменениям в политической идентичности государства и всего мирового сообщества.

Принцип когерентности в рамках обоснования концепта политической идентичности складывается, главным образом, из двух неотъемлемых характеристик: социальность и политизация. По мнению B. Clarke и J. Foweraker, «человеческая идентичность не может быть ничем иным, кроме социокультурной принадлежности» [15, с. 2]. Такое предположение не отрицает натуралистических (моральных) и теологических положений в общем социальном детерменизме, устанавливающем методологические и стратегические перспективы общественной практики развития социальной культуры, общественного пространства и национальной общности [6, с. 15].

Однако E. Laclau ставит под сомнение очевидность существования социальной идентичности как независимой категории и утверждает следующее: «если бы у субъектов всегда было определенное место в социальной структуре, проблема их идентичности, рассматриваемая радикальным образом, не возникла или, в лучшем случае, рассматривалась как вопрос признания людьми своей собственной идентичности,

а не процесса ее конструирования» [18, с. 2]. Другими словами, предопределение социальной идентичности человека в качестве априорного значения исключает политический характер идентичности, закрепление которого происходит в конфликте социальных ценностей.

Политизация социальной идентичности происходит, когда общество ставит под сомнение очевидность социокультурной принадлежности индивидов к определенной классовой структуре. Таким образом, политическая идентичность функционирует в качестве альтернативы классовой борьбе и социальному разделению. Такое радикальное осмысление социального и классового детерминизма, а также эссенциализма, безусловно, является одной из определяющих характеристик современных демократических сообществ [15, с. 3], что объясняет различия между данными концептами, обладающими разными объектами практической реализации (для социальной идентичности важна повседневная общественная реальность: культурные и семейные ценности, социальные связь внутри группы, межличностные взаимодействия; политическая идентичность подразумевает более масштабные взаимосвязи общегосударственной системы: идеология, политический курс, исторический опыт и т.д.).

Осмысление исключительно социальных практик направлено на устойчивое социальное воспроизводство, при котором развивается не столько повторение общественно-политических паттернов, сколько реконструкция радикальных конституирующих условий общественного взаимодействия [18, с. 3-4]. Однако исключительно политическое измерение идентичности отрицает естественную сущность социальной справедливости, приводя к ее деструктуризации по причине отсутствия универсального обоснования исторических, социокультурных и политических условий возникновения и развития общества. Главный парадокс заключается в том, что универсальность и оформленность социальной системы как таковой недостижима. поскольку радикальное исключение всех децентрированных элементов и отклонений эквивалентно «смерти субъекта» [19, с. 37].

С этой точки зрения, политическая идентичность – это политическая практика, направленная на поддержку и укрепление социальных

претензий на идентичность, а также методология и инструментарий по их материализации. Рассматривая идентичность как процесс идентификации, мы приходим к психоаналитической категории социализации личности с целью защиты, развития и объединения [1, с. 5]. В этом направлении акцентуализируется личностное осознание индивида своего жизненного цикла в рамках конкретного сообщества, с которым необходимо себя идентифицировать, что терминологически следует отождествлять с понятием социальной идентичности.

Именно этот подход, как нам кажется, позволяет взглянуть на идентичность как на процесс конструирования ценностей и мировоззрений в рамках определенного дискурса. Рассмотрение политической идентичности с позиции содержания выявляет факторы, формирующие данный процесс. Так, В. Ф. Богуславская предлагает классификацию типов идентичности в зависимости от социально-политических факторов [2, с. 65]:

1. Идентичность включенного типа – отождествление личности с политической позицией общества, прямое взаимодействие власти с населением;
2. Идентичность отчужденного типа – удовлетворительное отношение личности к политике и общественной жизни, социополитическая адаптивность;
3. Идентичность конформистского типа – пассивное следование социополитическому порядку, выстраиваемому органами власти;
4. Идентичность идеалистического типа – возможность прямого воздействия личности на социополитический строй общества, доверие политическим силам и доступность политических систем [2, с. 66].

В основе психологических и социально-конструкционистских подходов к описанию идентичности заложен процесс идентификации личности с дискурсными образами, выявляющими значимость роли субъекта в политической и социальной практике [3, с. 104].

Парадоксальная природа идентичности, проявляющаяся в процессе идентификации, является неотъемлемой частью социализации

и политизации индивидуального и группового сознания. Этот дуализм априори заложен в любой попытке определить идентичность. Обращаясь к социологическим, психологичексим, философским и иным толкованиям феномена идентичности, результат будет один и тот же – идентичность всегда определяется по двум фундаментальным критериям: тождественность и несовпадение [15, с. 4], при которых тождественность определяется как единство, согласованность, приверженность и непрерывность, а несовпадение указывает на отличительные черты и расхождения по индивидуальным и коллективным признакам.

Очевидно, что идентичность нельзя определить без сравнения с тем, что находится за ее пределами. «Что создает мою идентичность, что определяет групповое сходство – это то, что я отличаюсь от идентичностей других» [15, с. 4]. Другими словами, значение определенного элемента, структурно связанного в общей системе, может возникнуть только через его дифференциацию от других элементов в той же системе. Следовательно, противоречивая природа идентичности подчеркивает сложность в разграничении социального, политического, философского и психологического в понимании данного феномена, утверждая при этом ключевой принцип динамичности и процессуальной зависимости общественных связей от пространственно-временного контекста.

Компаративистское измерение содержательных принципов выстраивания политической идентичности

Главным принципом жизнедеятельности любой функциональной системы является ее стремление к развитию. Человеческое общество и государство может эволюционировать только в условиях контроля и иерархии, при которых все составляющие элементы организуются и структурируются, при этом сохраняя факторы личного выбора и свободы.

Ощущение группового превосходства, присущее состоянию политической идентичности, объясняется с точки зрения исторической организации группы. Человеческие сообщества выживали в про-

шлом до тех пор, пока они были в единении против общего врага, и, как следствие, развивались наиболее сплоченные и коллективно приспособленные группы [20, с. 208].

В рамках историко-сравнительного подхода концепция политической идентичности может рассматриваться как определенная социальная практика, опосредованная явлениями окружающей среды в конкретных хронотопических условиях [21, с. 260-263].

Теория функциональных смыслов объясняет рассматриваемый концепт как «часть политической культуры, в которой центральная роль отводится ценностным ориентациям, мотивирующим индивида осознать как собственную идентичность, так и свое отличие от представителей иной системы взглядов» [4, с. 187].

Альтернативным подходом является исследование политики идентичности в качестве концептуального инструмента категоризации, анализа и сравнения различных социально-политических форм [17, с. 7]. Актуальность данного метода обуславливается наличием аналитического инструментария, противопоставляемого историко-культурной спецификации социальных процессов и явлений. Изучение повторяющихся характеристик и контраргументов, описывающих те или иные виды политических целей, социальные практики, значимые достижения и общественные недовольства определяют эффективность достижения правовой справедливости и социополитической стабильности.

Ключевым маркером развития политики идентичности являются бихевиористические проявления индивидуальных и коллективных отношений граждан. Поведение в общественно-политической среде реализуется по субъективным установкам, в качестве примера рассмотрим социальный уклад нескольких демократических и авторитарных государств.

Во Франции общественно значимым актом является законодательный запрет ношения паранджи или хиджаба [23, с. 5]. Запрет религиозных или этнический проявлений в подобных случаях становится примером политического поведения, обозначающего рамки национальной идентичности, которая в данном случае под-

черкивает превосходство лаицизма над религиозными ценностями меньшинств. Отличия социальной идентичности в разных государствах могут достигать катастрофических масштабов: проявление гендерного неравенства и ущемление прав определенных слоев населения также воздействуют на политическую практику и образ государства на международной арене. Пакистан, Непал, Иран, Ирак и ряд других стран законодательно оправдывают более жесткие требования к женщинам, чем к мужчинам: запрет или ограничения на выполнение работы по найму, низкая в сравнении с мужской частью населения заработная плата, насильственные браки, обязанности носить закрытую одежду и т.д., что является примером радикальной социальной идентичности, которая определяет политическое поведение, активизирующее конкретные политические действия (принятие законодательных проектов, культивирующих социальную несправедливость) [23, с. 6].

В противовес этому в Исландии, Швеции, Новой Зеландия, США и ряде других либеральных государств по данным Глобального индекса гендерного разрыва (GGGI) Всемирного экономического форума стираются практически все гендерные различия, которые можно оценить по экономическим и политическим возможностям, уровню образования, здоровья и долголетия представителей женской части населения. Политика идентичности в данном случае задает ориентиры равноправного отношения ко всем маргинализированным группам, рассматривая граждан не только как представителей социума, но и в качестве «агентов политического курса» [10, с. 11].

В современной российской политике отмечается многоуровневая политическая идентичность, в основе которой лежит ценностноориентированный принцип выстраивании системы «личность-общество-культура-государство» [7, с. 85]. В соответствии со стратегией государственной национальной политики РФ, утвержденной на период до 2025 года, защита этнических меньшинств, укрепление гражданского единства, сохранение этнокультурного многообразия страны и укрепление межнациональных отношений являются приоритетными направлениями политической идентичности государства.

Национальная политика идентичности в качестве совокупности программ, инструментов и коллективных практик, формирующих у граждан чувство принадлежности к своему политическому сообществу, включает в себя обновление учебных программ в системе общего образования: введение школьных предметов «Основы духовно-нравственной культуры народов России», «Духовно-нравственная культура России», углубление содержательных элементов таких дисциплин, как «История» и «Обществознание»; создание общественных инициатив и социальных проектов, например, «Форум российской идентичности» в сфере укрепления взаимодействия молодежи и государства, инициативы по культурной интеграции новых регионов и синергетическом взаимодействии населения; Проекты по сохранению и популяризации культурного наследия регионов с развитием туристических, социокультурных и творческих инициатив; включения правовых и законодательных механизмов конструирования политической идентичности: Послания Президента РФ в качестве идейных ориентиров общества, правовые доктрины и обновленные законодательные предписания (Национальная доктрина образования, Доктрина развития российской науки; предписания по информационной безопасности и т.д.) содержат основные характеристики, цели и задачи социального и политического развития общества.

В контексте глобализации, политических конфликтов и растущих потоков иммиграции, в научном сообществе ведутся активные дискуссии по вопросам утраты собственной социальной и политической идентичности иммигрантами. До сих пор остается открытой проблема конвергенции противоположных религиозных, этнических, социокультурных и политических взглядов лиц, принимающих гражданство иной страны с кардинально отличающейся системой. В некоторых случаях это приводит к реакции в форме «ультранационализма» в принимающих странах [23, с. 12] и крайнюю степень маргинализации определенных этнических сегментов. Подобные примеры опровергают идею коллективной идентичности, выраженную, например, в форме Европейского Союза [23, с. 14] и подтверждают

необходимость укрепления внутренней политической и социальной принадлежности граждан посредством политики идентичности. Тем не менее, такой механизм не равен политике доминирования, при которой решающая власть и контроль принадлежат одной группе, подавляющей идеи и инициативы иных партий, лиц и общественности.

Таким образом, из примеров, приведенных выше, становится ясно, что в современном мире, политика идентичности наиболее актуальна для формирования политического поведения и управленческих механизмов, по той причине, что идентичность наряду со способствующим социальным контекстом находится в центре фундаментальных факторов, которые направляют и определяют политический дискурс и гражданские проявления в дальнейшей перспективе развития общества.

Практика политической идентичности в направлении укрепления социальной справедливости: систематизация подходов и механизмов реализации

Понимание социальной справедливости как объективного распределения ресурсов, прав и возможностей человека в обществе направлено на защиту интересов и свобод граждан, устранение системных препятствий на пути к обеспечению равноправия, удовлетворения фундаментальных потребностей людей вне зависимости от гендерных, этнических, возрастных и иных признаков различия.

С точки зрения междисциплинарного принципа укрепление социальной справедливости возможно за счет консолидации правовых, политических, экономических, социокультурных и психологических мер поддержки наиболее уязвимых слоев населения. Однако инструменты реализации политической идентичности при грамотном применении могут способствовать выявлению скрытого неравенства в обществе, объединению маргинализированных групп и искоренению несправедливости посредством структуризации государственной политики, отслеживанию социально-экономических показателей представительства незащищенных групп и выявлению иных правозащитных пробелов [17, с. 16].

Обсуждение стратегий достижения политической идентичности в направлении укрепления социальной справедливости, как правило, разворачивается в нескольких плоскостях:

1. Объединение граждан с целью определения политического курса, направленного на усиление и воспроизводство политически значимых категорий, обеспечивающих дифференциацию общества [17, с. 9];
2. Систематизация политических точек зрения, определяющих приоритетность социокультурных вопросов этнической, религиозной и национальной идентичности;
3. Политическая мобилизация межсекторальных практик (социальных, правоохранных, экономических), нацеленных на осуществление эгалитарной справедливости [12, с. 83].
4. Адаптация политической идентичности к идеологии власти с целью активизации политической поддержки населения [24, с. 154];
5. Ориентация социально-политического движения, направленного на улучшение качества жизни граждан, развитие экономики, совершенствование условий труда с конечной целью укрепления политического образа государства на международной арене.

Как видно из обозначенных выше подходов, способы реализации принципов справедливой политической идентичности основываются на солидарности внутри группы, которая систематизируется и контролируется государственными органами и широко применяется в политических интересах. Идеологические установки являются одной из наиболее используемых политических стратегий консолидации граждан, что объясняется эффективностью и действенностью данного подхода по отношению к мобилизации населения, привлечению общественной поддержки к политическим интересам и целям [24, с. 154].

Встраивание культурологических, правовых, коммуникативных и иных механизмов формирования политической идентичности в социальное пространство происходит на разных уровнях обществен-

ной иерархии и государственного управления за счет следующих методик: стратегии поддержания традиционных ценностей общества (укрепление национальной культуры, поддержка семейных традиций); организация взаимодействия вариативных социальных и политических институтов (образовательные учреждения, институты власти, правоохранные органы и т.д.); развитие идей гражданственности и правовой культуры для укрепления чувства личностной ответственности и национальной принадлежности населения; привлечение медиа-ресурсов и СМИ к пропагандированию идеологических образов, поведенческих моделей и социальных установок; создание инфраструктурных условий для самоорганизации общества и коллективной поддержки политической идентичности.

«В многосоставных обществах, где утверждаются множественные идентичности, каждая из социальных идентичностей – будь то этническая, конфессиональная, территориальная, профессиональная, гендерная или иная – в ходе «борьбы за идентичность» ищет выходы в политическую сферу, в результате чего дискурс национальной идентичности, в котором сходятся и переплетаются разные политические интересы и их символические репрезентации, оказывается высокополитизированным» [8, с. 25].

Отсюда следует, что политическая и социальная идентичность тесно связаны с политической практикой государства. Политическая идентичность проявляет идеологию власти для поддержания непрерывности самосознания в противовес другим групповым идентичностям. Однако приводят ли подобные установки к укреплению социальной справедливости или способствуют ее дезорганизации.

По мнению I. Sihidi, D. Suhermanto, S. Salahudin и других и исследователей, политическая идентичность является противником равенства, которое выступает в качестве основного элемента демократии, и игнорирует факт плюрализма [24, с. 154-155].

Как утверждает D. Smith, политическая идеология зачастую опирается на принципы социального эссенциализма, дегуманизирующего индивидуальные характеристики сложных идентичностей, что приводит к пониманию личности исключительно в роли члена

этнической группы и, как следствие, усиливает социальную несправедливость [25, с. 160].

Одно из потенциальных решений к проблеме социально-политического эссенциализма предлагает J. Kurzwelly: оно состоит в том, чтобы отойти от статических категорий идентичности и вместо этого сосредоточиться на индивидуальном позиционировании индивида относительно конкретного сообщества, например, классовая позиция граждан (а не классовая идентичность) или социокультурная позиция [16, с. 55], что также подразумевает значимость гражданской ответственности и фактический доступ личности к собственным правам и обязанностям. Такой подход имеет больший потенциал для осуществления политических практик, направленных на противодействие социальной несправедливости.

В поддержку данной позиции выступают А. В. Селезнева и З. Т. Хугаев: «самой многозначной политической ценностью является справедливость, которая распространяется на разные стороны жизни общества и затрагивает вопросы как внутренней, так и внешней политики [7, с. 84].

Как утверждает И. С. Семененко, процесс индивидуализации сознания, при котором члены общества определяют свои права и интересы приоритетом социополитического курса, отдаляясь от конструирования национально-государственных ориентиров, приводит к кризису государственности и глобализации власти [8, с. 29-30]. В рамках радикальных подходов укрепления политической идентичности (авторитарные режимы и противопоставленные им либеральные системы самоуправления наций, которые рано или поздно приводят к усилению конфликтов и внутреннему расколу [8, с. 35]) достижение социальной справедливости считается практически невозможным. В связи, с чем оптимальной методологией реализации политической идентичности считается «укоренение модели активной гражданственности со своевременной корректировкой политико-культурных ориентиров общества в русле конституционного патриотизма» [8, с. 37].

«Политическая идентичность государства ригидна, потому что интерсубъективна со склонностью к объективности. Она позволяет

консолидировать общество, поэтому оно от нее не откажется, пока государство легитимно» [26].

Таким образом, являясь фундаментом социальной консолидации, политическая идентичность представляет собой стержень культурно-исторических, этнических, общественных и правовых ценностей, неотделимых от понятия социальной справедливости.

Заключение

По результатам исследования, мы приходим к выводу о том, что объяснение и изучение концепта политической идентичности относится к спектру деятельности смежных дисциплин: политология, политическая психология, социология и право, которые в совокупности могут интерпретировать влияние социальной и этнической идентичности на политику, и наоборот – воздействие управленческой системы на поведение граждан и их ценностные ориентиры.

По нашему мнению, политическая идентичность представляет собой методологию социальной ориентации, дифференцирующей групповые различия (политические, экономические, социокультурные), а также сохраняющей собственную аутентичность и культурно-историческую специфику, при этом, не отрицая инакомыслящие системы и поддерживая толерантное отношение к ним.

Истинная теория социальной и политической идентичности направлена на установление иерархически равных отношений в социуме, где вершины иерархических групп не прибегает к принуждению и дискриминации, чтобы обеспечить надлежащее политическое поведение граждан, а формируют справедливые индивидуальные и коллективные факторы, которые диктуют ценностные ориентиры общества.

Вопрос регулирования политического курса в рамках обеспечения социальной справедливости является особенно деликатным и относительным, поскольку политика идентичности – это не просто концептуальная задача, а политическая тактика, которая в настоящее время обсуждается во всевозможных контекстах, учитывающих следующие фундаментальные принципы:

1. Систематический социальный мониторинг – отслеживание социального состояние позволяет выявить основные пробелы и неравенства с целью дальнейшего проблемного регулирования;

2. Направление законодательных изменений – в системе законотворчества и правового регулирования основой структурных изменений принимаются показатели идентичности для развития несправедливых и неравноправных условий жизнедеятельности населения;

3. Укрепление позиций группового единства – использование образовательных, информационных, технологических ресурсов для усиления общей идентичности в сплочении разных слоев населения;

4. Отслеживание прогресса и эффективности – статистические данные и отчетность должны отображать результативность программ и инициатив по укреплению политической идентичности и социальной справедливости.

Таким образом, подобные механизмы выстраивания политической идентичности ориентированы на изменения социальных движений, требующих перманентных усилий в определение правовых и культурных ценностей и тщательного анализа конкретных политических вмешательств, направленных на поддержание устойчивой социальной справедливости.

Список литературы

1. Алиханова, В. Л. (2018). Психоаналитическая концепция феномена идентичности. *Время науки — The Times of Science*, (1), с. 3–12.
2. Богуславская, В. Ф. (2018). Социально-конструкционистский подход в исследовании политической идентичности. *Российский психологический журнал*, *5*(2), с. 60–66. DOI: https://doi.org/10.21702/rpj.2008.2.6
3. Зайцев, И. В. (2007). Факторы политической идентичности. *Logos et Praxis*, (6), с. 104–109. EDN: https://elibrary.ru/KEZLNB
4. Корниенко, О. Ю. (2021). Многозначность понятия «политическая идентичность». *Социально-гуманитарные знания*, (1), с. 185–193. DOI: https://doi.org/10.34823/sgz.2021.1.51525. EDN: https://elibrary.ru/WFNGYX
5. Малинова, О. Ю. (2017). Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации. *Символическая политика: Сб. науч. тр.* РАН. ИНИОН. Вып. 5: Политика идентичности, с. 7–20.

6. Ровнова, С. А. (2007). Социальный детерминизм в свете новейших социологических знаний. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*, *7*(2), с. 11–15. EDN: https://elibrary.ru/JVRXXL
7. Селезнева, А. В., Хугаев, З. Т. (2024). Ценностные основания политической идентичности в региональном, национальном и цивилизационном измерениях: концептуальное осмысление и российский контекст. *Социум и власть*, *4*(102), с. 80–91. DOI: https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-80-91. EDN: https://elibrary.ru/DSXAZA
8. Семененко, И. С. (2017). Политика идентичности: меняющаяся повестка дня. *Символическая политика: Сб. науч. тр.* РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Вып. 5: Политика идентичности, с. 21–40.
9. Ушакова, В. Г. (2023). Женщины и феминизм в современном политическом процессе. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*, 2, с. 93–104. DOI: https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-2-93-104. EDN: https://elibrary.ru/FBJIAG
10. Цумарова, Е. Ю. (2012). Политика идентичности: politics или policy? *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, (2), с. 5–16. EDN: https://elibrary.ru/OZZCDP
11. Чвыкалов, В. В. (2011). Гендерное равенство в контексте современной политики российского государства. *Философия права*, (3), с. 90–94. EDN: https://elibrary.ru/NTYVED
12. Becker, H. (2022). Youth speaking truth to power: Intersectional decolonial activism in Namibia. *Dialectical Anthropology*, *47*, p. 71–84. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-022-09678-1. EDN: https://elibrary.ru/IZFIXL
13. Berger, P. L., Luckmann, T. (1966). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books. 240 p.
14. Blumer, H. (1966). Sociological implications of the thought of George Herbert Mead. *American Journal of Sociology*, *71*(5), p. 535–544. DOI: https://doi.org/10.1086/224171
15. Clarke, B., Foweraker, J. (2000). Identity, political. *Encyclopaedia of Democratic Thought*. London: Routledge, p. 1–6.
16. Kurzwelly, J. (2022). Bones and injustices: Provenance research, restitutions and identity politics. *Dialectical Anthropology*, *47*. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-022-09670-9. EDN: https://elibrary.ru/SNZIGL
17. Kurzwelly, J., Pérez, M., Spiegel, A. D. (2023). Identity politics and social justice. *Dialectical Anthropology*, *47*, p. 5–18. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-023-09686-9. EDN: https://elibrary.ru/KMTSVE
18. Laclau, E. (1994). Introduction. *The Making of Political Identities*. London: Verso, p. 1–8.
19. Laclau, E., Zac, L. (1994). Minding the gap: The subject of politics. *The Making of Political Identity*. London: Verso, p. 11–39.

20. Mead, G. H. (1962). *Mind, self, and society* (Ch. W. Morris, Ed.). Chicago and London: The University of Chicago Press. 439 p.
21. Moran, M. (2020). (Un)troubling identity politics: A cultural materialist intervention. *European Journal of Social Theory*, *23*(2), p. 258–277. DOI: https://doi.org/10.1177/1368431018819722
22. Parsons, T. (1967). *Sociological theory and modern society*. New York (N.Y.): Free Press. 567 p.
23. Roy, O. (2014). *Holy ignorance: When religion and culture part ways*. London, UK: Oxford University Press, p. 1–18.
24. Sihidi, I., Suhermanto, D., Salahudin, S., Kamil, M., Romadhan, A. (2022). The practice of political identity: A systematic review. *JWP (Jurnal Wacana Politik)*, *7*, p. 148. DOI: https://doi.org/10.24198/jwp.v7i2.37749. EDN: https://elibrary.ru/TKGKNY
25. Smith, D. L. (2021). *Making monsters: The uncanny power of dehumanization*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 336 p.
26. Veretevskaya, A. (2023, December). Political identity of a modern state as a factor of its foreign and domestic policy. *SSRN*. https://ssrn.com/abstract=4675602 (accessed 16.09.2025).

References

1. Alkhanova, V. L. (2018). The psychoanalytic conception of the phenomenon of identity. *The Times of Science*, (1), pp. 3–12.
2. Boguslavskaya, V. F. (2018). The social constructionist approach to the study of political identity. *Russian Psychological Journal*, 5(2), pp. 60–66. DOI: https://doi.org/10.21702/rpj.2008.2.6
3. Zaitsev, I. V. (2007). Factors of political identity. *Logos et Praxis*, (6), pp. 104–109. EDN: https://elibrary.ru/KEZLNB
4. Kornienko, O. Yu. (2021). The polysemy of the concept of "political identity." *Social and Humanitarian Knowledge*, (1), pp. 185–193. DOI: https://doi.org/10.34823/sgz.2021.1.51525. EDN: https://elibrary.ru/WFNGYX
5. Malinova, O. Yu. (2017). Identity politics as a struggle over meanings: Problems of conceptualization. *Symbolic Politics: Collected Papers*. RAS. INION. Issue 5: Identity Politics, pp. 7–20.
6. Rovnova, S. A. (2007). Social determinism in the light of the latest sociological knowledge. *Izvestia of Saratov University. New Series. Sociology. Politology*, 7(2), pp. 11–15. EDN: https://elibrary.ru/JVRXXL
7. Selezneva, A. V., Khugaev, Z. T. (2024). Value foundations of political identity in regional, national, and civilizational dimensions: Conceptual interpretation and the Russian context. *Society and Power*, 4(102), pp. 80–91. DOI: https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-80-91. EDN: https://elibrary.ru/DSXAZA

8. Semenenko, I. S. (2017). Identity politics: A changing agenda. *Symbolic Politics: Collected Papers*. RAS. INION. Center for Social Scientific Information. Issue 5: Identity Politics, pp. 21–40.
9. Ushakova, V. G. (2023). Women and feminism in the contemporary political process. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, 2, pp. 93–104. DOI: https://doi.org/10.28995/2073-6401-2023-2-93-104. EDN: https://elibrary.ru/FBJIAG
10. Tsumarova, E. Yu. (2012). Identity politics: Politics or policy? *Bulletin of Perm University. Political Science*, (2), pp. 5–16. EDN: https://elibrary.ru/OZZCDP
11. Chvykalov, V. V. (2011). Gender equality in the context of the contemporary policy of the Russian state. *Filosofiya prava*, (3), pp. 90–94. EDN: https://elibrary.ru/NTYVED
12. Becker, H. (2022). Youth speaking truth to power: Intersectional decolonial activism in Namibia. *Dialectical Anthropology*, 47, pp. 71–84. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-022-09678-1. EDN: https://elibrary.ru/IZFIXL
13. Berger, P. L., Luckmann, T. (1966). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books. 240 p.
14. Blumer, H. (1966). Sociological implications of the thought of George Herbert Mead. *American Journal of Sociology*, 71(5), pp. 535–544. DOI: https://doi.org/10.1086/224171
15. Clarke, B., Foweraker, J. (2000). Identity, political. *Encyclopaedia of Democratic Thought*. London: Routledge, pp. 1–6.
16. Kurzwelly, J. (2022). Bones and injustices: Provenance research, restitutions and identity politics. *Dialectical Anthropology*, 47. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-022-09670-9. EDN: https://elibrary.ru/SNZIGL
17. Kurzwelly, J., Pérez, M., Spiegel, A. D. (2023). Identity politics and social justice. *Dialectical Anthropology*, 47, pp. 5–18. DOI: https://doi.org/10.1007/s10624-023-09686-9. EDN: https://elibrary.ru/KMTSVE
18. Laclau, E. (1994). Introduction. In *The Making of Political Identities*. London: Verso, pp. 1–8.
19. Laclau, E., Zac, L. (1994). Minding the gap: The subject of politics. In *The Making of Political Identity*. London: Verso, pp. 11–39.
20. Mead, G. H. (1962). *Mind, self, and society* (Ch. W. Morris, Ed.). Chicago and London: The University of Chicago Press. 439 p.
21. Moran, M. (2020). (Un)troubling identity politics: A cultural materialist intervention. *European Journal of Social Theory*, 23(2), pp. 258–277. DOI: https://doi.org/10.1177/1368431018819722
22. Parsons, T. (1967). *Sociological theory and modern society*. New York (N.Y.): Free Press. 567 p.

23. Roy, O. (2014). *Holy ignorance: When religion and culture part ways*. London, UK: Oxford University Press, pp. 1–18.
24. Sihidi, I., Suhermanto, D., Salahudin, S., Kamil, M., Romadhan, A. (2022). The practice of political identity: A systematic review. *JWP (Jurnal Wacana Politik)*, 7, pp. 148. DOI: https://doi.org/10.24198/jwp.v7i2.37749. EDN: https://elibrary.ru/TKGKNY
25. Smith, D. L. (2021). *Making monsters: The uncanny power of dehumanization*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 336 p.
26. Veretevskaya, A. (2023, December). Political identity of a modern state as a factor of its foreign and domestic policy. *SSRN*. https://ssrn.com/abstract=4675602 (accessed 16.09.2025).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Алехина Екатерина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Процессуальное право»
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация
Ket_as@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Alekhina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Procedural Law
Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
Ket_as@mail.ru
SPIN-code: 4468-8616
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1167-6378

Поступила 27.07.2026 Received 27.07.2026
После рецензирования 28.08.2026 Revised 28.08.2026
Принята 02.09.2026 Accepted 02.09.2026